

Конек-Горбунок

Автор:

Пётр Ершов

Конек-Горбунок

Пётр Павлович Ершов

Вот уже почти два века сказка Петра Павловича Ершова «Конек-горбунок» – одна из самых любимых читателями. Органическая близость к фольклору, легкость и изящество стиха обеспечили этой сказке широкую популярность как у детей, так и у взрослых.

Петр Павлович Ершов

Конек-Горбунок

Часть 1

Начинает сказка сказываться

За горами, за лесами,

За широкими морями,

Против неба – на земле

Жил старик в одном селе.

У старинушки три сына:

Старший умный был детина,

Средний сын и так и сяк,

Младший вовсе был дурак.

Братья сеяли пшеницу

Да возили в град-столицу:

Знать, столица та была

Недалече от села.

Там пшеницу продавали,

Деньги счётом принимали

И с набитою сумой

Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре

Приключилося им горе:

Кто-то в поле стал ходить

И пшеницу шевелить.

Мужички такой печали

Отродясь не видали;

Стали думать да гадать —

Как бы вора соглядать;[1 - Соглядать - подсмотреть.]

Наконец себе смекнули,

Чтоб стоять на карауле,

Хлеб ночами поберечь,

Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,

Начал старший брат собираться,

Вынул вилы и топор

И отправился в дозор.

Ночь ненастная настала;

На него боязнь напала,

И со страхов наш мужик

Закопался под сенник.

Ночь проходит, день приходит;

С сенника дозорный сходит

И, облив себя водой,

Стал стучаться под избой:

«Эй вы, сонные тетери!

Отпирайте брату двери,

Под дождём я весь промок

С головы до самых ног».

Братья двери отворили,

Караульщика впустили,

Стали спрашивать его:

Не видал ли он чего?

Караульщик помолился

Вправо, влево поклонился

И, прокашлявшись, сказал:

«Всю я ноченьку не спал;

На моё ж притом несчастье,

Было страшное ненастье:

Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».

Похвалил его отец:

«Ты, Данило, молодец!

Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат пошёл собирать;

Взял и вилы и топор

И отправился в дозор.

Ночь холодная настала,

Дрожь на малого напала,

Зубы начали плясать;

Он ударился бежать —

И всю ночь ходил дозором

У соседки под забором.

Жутко было молодцу!

Но вот утро. Он к крыльцу:

«Эй вы, сони! Что вы спите!

Брату двери отоприте;

Ночью страшный был мороз —
До животиков промёрз».

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:

«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было неподручно...
Впрочем, всё благополучно».

И ему сказал отец:

«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,

Надо младшему собираться;

Он и усом не ведёт,

На печи в углу поёт

Изо всей дурацкой мочи:

«Распрекрасные вы очи!»

Братья ну ему пенянь[2 - Пенянь – укорять, упрекать.],
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли;
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков[3 - Лубки – здесь: ярко раскрашенные картинки.],
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай[4 - Малахай – здесь: длинная, широкая одежда без пояса.] свой
надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.

Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью[5 - Очью – очами, глазами.] бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью[6 - Пластью – пластом.] надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —

Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.

«Ну, Иван, – ему сказала, —

Коль умел ты усидеть,

Так тебе мной и владеть.

Дай мне место для покою

Да ухаживай за мною,

Сколько смыслишь. Да смотри:

По три утренни зари

Выпускай меня на волю

Погулять по чисту полю.

По исходе же трёх дней

Двух рожу тебе коней —

Да таких, каких поныне

Не бывало и в помине;

Да ещё рожу конька

Ростом только в три вершка,

На спине с двумя горбами

Да с аршинными ушами.

Двух коней, коль хошь, продай,

Но конька не отдавай

Ни за пояс, ни за шапку,

Ни за чёрную, слышь, бабку.

На земле и под землёй

Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», – думает Иван

И в пастуший балаган[7 - Балаган – здесь: шалаш, сарай.]

Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —

«Это я, Иван-дурак!»

Братья двери отворили,

Дурака в избу впустили

И давай его ругать, —

Как он смел их так пугать!

А Иван наш, не снимая

Ни лаптей, ни малахая,

Отправляется на печь

И ведёт оттуда речь

Про ночное похождение,

Всем ушам на удивленье:

«Всю я ноченьку не спал,

Звёзды на небе считал;

Месяц, ровно[8 - Ровно – будто, словно.], тоже светил, —

Я порядком не приметил.

Вдруг приходит дьявол сам,

С бородою и с усам;

Рожа словно как у кошки,

А глаза-то – что те плоски!

Вот и стал тот чёрт скакать

И зерно хвостом сбивать.

Я шутить ведь не умею —

И вскочил ему на шею.

Уж таскал же он, таскал,

Чуть башки мне не сломал.

Но и я ведь сам не промах,

Слышь, держал его, как в жомах[9 - Жомы - тиски, пресс.].

Бился, бился мой хитрец

И взмолился наконец:

«Не губи меня со света!

Целый год тебе за это

Обещаюсь смирно жить,

Православных не мутить».

Я, слышь, слов-то не померил,

Да чертёнку и поверил».

Тут рассказчик замолчал,

Позевнул и задремал.

Братья, сколько ни серчали,

Не смогли - захохотали,

Ухватившись под бока,

Над рассказом дурака.

Сам старик не смог сдержаться,

Чтоб до слёз не посмеяться,

Хоть смеяться - так оно

Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало

С этой ночи пробежало, —

Я про это ничего

Не слышал ни от кого.

Ну, да что нам в том за дело,

Год ли, два ли пролетело, —

Ведь за ними не бежать...

Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило

(В праздник, помнится, то было),

Натянувшись зельно пьян,

Затащился в балаган.

Что ж он видит? – Прекрасивых

Двух коней золотогривых

Да игрушечку-конька

Ростом только в три вершка,

На спине с двумя горбами

Да с аршинными ушами.

«Хм! теперь-то я узнал,

Для чего здесь дурень спал!» —

Говорит себе Данило...

Чудо разом хмель посбило;

Вот Данило в дом бежит

И Гавриле говорит:

«Посмотри, каких красивых

Двух коней золотогривых

Наш дурак себе достал:

Ты и слыхом не слыхал».

И Данило да Гаврило,

Что в ногах их мочи было,

По крапиве прямиком

Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,

Починивши оба глаза,

Потирая здесь и там,

Входят братья к двум коням.

Кони ржали и храпели,

Очи яхонтом горели;

В мелки кольца завитой,

Хвост струился золотой,

И алмазные копыты

Крупным жемчугом обиты.

Любо-дорого смотреть!

Лишь царю б на них сидеть.

Братья так на них смотрели,

Что чуть-чуть не окривели.

«Где он это их достал? —

Старший среднему сказал, —

Но давно уж речь ведётся,

Что лишь дурням клад даётся,

Ты ж хоть лоб себе разбей,

Так не выбьешь двух рублей.

Ну, Гаврило, в ту седмицу[10 - Седмица - неделя.]

Отведём-ка их в столицу;

Там боярам продадим,

Деньги ровно поделим.

А с деньжонками, сам знаешь,

И попьёшь и погуляешь,

Только хлопни по мешку.

А благому дураку

Не достанет ведь догадки,

Где гостят его лошадки;

Пусть их ищет там и сям.

Ну, приятель, по рукам!»

Братья разом согласились,

Обнялись, перекрестились

И вернулись домой,

Говоря промеж собой

Про коней, и про пирушку,

И про чудную зверушку.

Время катит чередом,

Час за часом, день за днём, —

И на первую седмицу

Братья едут в град-столицу,

Что б товар свой там продать

И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,

Опершись о балаган:

«Ой вы, кони буры-сивы,

Добры кони златогривы!

Я ль вас, други, не ласкал.

Да какой вас чёрт украл?

Чтоб пропасть ему, собаке!

Чтоб издохнуть в буераке![11 - Буерак - небольшой овраг.]

Чтоб ему на том свету

Провалиться на мосту!

Ой вы, кони буры-сивы,

Добры кони златогривы!»

Тут конёк ему заржал.

«Не тужи, Иван, - сказал, —

Велика беда, не спорю;

Но могу помочь я горю,

Ты на чёрта не клепи[12 - Не клепли - не обвиняй напрасно, не клевети.]:

Братья коников свели.

Ну, да что болтать пустое,

Будь, Иванушка, в покое.

На меня скорей садись,

Только знай себе держись;

Я хоть росту небольшого,

Да сменю коня другого:

Как пущусь да побегу,

Так и беса настигу[13 - Настигу - настигну, догоню.]».

Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби[14 - Загребь - горсть.] берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встrepенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться[15 - Переться - спорить, отпираться.] - дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот[16 - Живот - здесь: имущество, добро.]».

Сколь пшеницы мы не сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик неможет[17 - Неможет - болеет; немочь - болеть.],
Работать уже не может,
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, - продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,

Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;

Воздух начал холодеть;

Вот, чтоб им не заблудиться,

Решено остановиться.

Под навесами ветвей

Привязали всех коней,

Принесли с естным[18 - Естное – съестное.] лукошко,

Опохмелились немножко

И пошли, что боже даст,

Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,

Что огонь вдали засветил.

На Гаврилу он взглянул,

Левым глазом подмигнул

И, прикашлянув легонько,

Указав огонь тихонько;

Тут в затылке почесал,

«Эх, как тёмно! – он сказал. —

Хоть бы месяц этак в шутку

К нам проглянул на минутку,

Всё бы легче. А теперь,

Право, хуже мы тетерь...

Да постой-ка... Мне сдаётся,

Что дымок там светлый вьётся...

Видишь, эвон!.. Так и есть!..

Вот бы курево[19 - Курево – здесь: огонь, костер.] развесть!

Чудо было б!.. А послушай,

Побегай-ка, брат Ванюша.

А, признаться, у меня

Ни огнива, ни кремня».

Сам же думает Данило:

«Чтоб тебя там задавило!»

А Гаврило говорит:

«Кто-петь[20 - Кто-петь – здесь: кто же.] знает, что горит!

Коль станичники[21 - Станичники – здесь: разбойники.] пристали —

Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака,

Он садится на конька,

Бьёт в круты бока ногами,

Теребит его руками,

Изо всех горланит сил...

Конь взвился, и след простыл.

«Буди с нами крестна сила! —

Закричал тогда Гаврило,

Оградясь крестом святым. —

Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,

Горбунок бежит скорее.

Вот уж он перед огнём.

Светит поле словно днём;

Чудный свет кругом струится,

Но не греет, не дымится,

Диву дался тут Иван:

«Что, – сказал он, – за шайтан!

Шапок с пять найдётся свету,

А тепла и дыму нету;

Эко чудо огонёк!»

Говорит ему конёк:

«Вот уж есть чему дивиться!

Тут лежит перо Жар-птицы,

Но для счастья своего

Не бери себе его.

Много, много непокою

Принесёт оно с собою». —

«Говори ты! как не так!» —

Про себя ворчит дурак;

И, подняв перо Жар-птицы,

Завернул его в тряпицы,

Тряпки в шапку положил

И конька поворотил.

Вот он к братьям приезжает

И на спрос их отвечает:

«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:

Коль не скажет городничий[22 - Городничий – начальник города в старину – мэр по нынешнему.] —

Ничего не покупать,

Ничего не продавать.

Вот обедня наступает;

Городничий выезжает

В туфлях, в шапке меховой,

С сотней стражи городской.

Рядом едет с ним глашатаый,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости[23 - Гость – старинное название купца, торговца.]! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому
Ни давёжа[24 - Давёж – давка.], ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупалыцики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.
Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрят – давка от народу,

Нет ни выхода, ни входу;
Так кишма вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй вы, черти, босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, – молвил, – божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,

Мудрой речи подивился.

Городничий между тем

Наказал престрого всем,

Чтоб коней не покупали,

Не зевали, не кричали;

Что он едет ко двору

Доложить о всём царю.

И, оставив часть отряда,

Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец,

«Ты помилуй, царь-отец! —

Городничий восклицает

И всем телом упадает. —

Не вели меня казнить,

Прикажи мне говорить!»

Царь изволил молвить: «Ладно,

Говори, да только складно». —

«Как умею, расскажу:

Городничим я служу;

Верой-правдой исправляю

Эту должность...» - «Знаю, знаю!» —

«Вот сегодня, взяв отряд,

Я поехал в конный ряд.

Приезжаю - тьма народу!

Ну, ни выходу, ни входу.

Что тут делать?.. Приказал

Гнать народ, чтоб не мешал,

Так и случилось, царь-надёжа!

И поехал я, – и что же?..

Предо мною конный ряд:

Два коня в ряду стоят,

Молодые, вороные,

Вьются гривы золотые,

В мелки кольца завитой,

Хвост струится золотой,

И алмазные копыты

Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.

«Надо коней поглядеть, —

Говорит он, – да не худо

И завести такое чудо.

Гей, повозку мне!» И вот

Уж повозка у ворот.

Царь умылся, нарядился

И на рынок покатился;

За царём стрельцов[25 - Стрельцы – старинное войско.] отряд.

Вот он въехал в конный ряд.

На колени все тут пали

И «ура!» царю кричали.

Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Треплет шею им крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольнo насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин – тоже я». —
«Ну, я пару покупаю;
Продаёшь ты?» – «Нет, меняю». —
«Что в промен берёшь добра?» —
«Два-пять шапок серебра» —

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Соглядать – подсмотреть.

2

Пенять – укорять, упрекать.

3

Лубки – здесь: ярко раскрашенные картинки.

4

Малахай – здесь: длинная, широкая одежда без пояса.

5

Очью – очами, глазами.

6

Пластью – пластом.

7

Балаган – здесь: шалаш, сарай.

8

Ровно – будто, словно.

9

Жомы – тиски, пресс.

10

Седмица – неделя.

11

Буерак – небольшой овраг.

12

Не клебли – не обвиняй напрасно, не клевети.

13

Настигу – настигну, догоню.

14

Загребь – горсть.

15

Переться – спорить, отпираться.

16

Живот – здесь: имущество, добро.

17

Неможет – болеет; немочь – болеть.

18

Естное – съестное.

19

Курево – здесь: огонь, костер.

20

Кто-петь – здесь: кто же.

21

Станичники – здесь: разбойники.

22

Городничий – начальник города в старину – мэр по нонешнему.

23

Гость – старинное название купца, торговца.

24

Давёж – давка.

25

Стрельцы – старинное войско.

Купить: <https://tellnovel.com/pyotr-ershov/konek-gorbunok>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)